

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 12-УДП22-4-К6

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е суда кассационной инстанции

г. Москва

21 июля 2022 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Безуглого Н.П.
судей Истоминой Г.Н. и Сабурова Д.Э.

при секретаре Димаковой Д.Н.

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу осужденной Бочаровой Т.А. на приговор Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 1 июля 2021 года, апелляционное постановление Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 сентября 2021 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года, кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Ткачёва И.В. и кассационную жалобу потерпевшего Р [REDACTED] на апелляционное постановление Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 сентября 2021 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года.

По приговору Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 1 июля 2021 года

Бочарова Татьяна Анатольевна, [REDACTED]

[REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]

[REDACTED] несудимая

осуждена по:

-ч. 2 ст. 109 УК РФ к ограничению свободы на срок 2 года с лишением права на основании ч. 3 ст. 47 УК РФ заниматься врачебной деятельностью на срок 3 года. В соответствии со ст. 53 УК РФ Бочаровой установлены ряд ограничений;

-ч. 2 ст. 327 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) к 2 годам лишения свободы с лишением права на основании ч. 3 ст. 47 УК РФ заниматься врачебной деятельностью на срок 3 года.

От назначенного наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, Бочарова освобождена на основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в соответствии с п. 2 ч. 5 ч. 8 ст. 302 УПК РФ в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное Бочаровой наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком 4 года и с возложением на нее обязанностей: не менять место жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, являться на регистрацию в установленные данным органом сроки, трудоустроиться (трудиться).

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 сентября 2021 года приговор от 1 июля 2021 года изменен:

-указана во вводной части приговора дата его постановления «1 июля 2021 года» вместо «1-2 июля 2021 года»;

-в части осуждения Бочаровой по ч. 2 ст. 327 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) приговор отменен;

-Бочарова оправдана по предъявленному обвинению по ч. 2 ст. 327 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления. За Бочаровой признано право на реабилитацию и обращение в суд с требованием о возмещении имущественного и морального вреда.

В остальной части приговор от 1 июля 2021 года оставлен без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года вышеуказанные судебные решения оставлены без изменения.

Заслушав доклад судьи Истоминой Г.Н., изложившей содержание обжалуемого приговора, доводы кассационного представления и

кассационных жалоб, выступление прокурора Андреева Е.С., поддержавшего доводы кассационного представления, выступления потерпевших Р [REDACTED] и Р [REDACTED] их представителя – адвоката Павлова А.Н., поддержавших доводы жалобы и кассационного представления, выступления осужденной Бочаровой Т.А. и ее защитника Смирнова С.Л. поддержавших доводы жалобы осужденной и возражавших против удовлетворения кассационного представления и жалобы потерпевшего Рябина А.Е., Судебная коллегия,

у с т а н о в и л а :

С учетом внесенных изменений, Бочарова освобождена от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Преступление совершено 4 апреля 2018 года в п. Оршанка Оршанского района Республики Марий Эл при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Ткачёв И.В. выражает несогласие с решением суда апелляционной инстанции об оправдании Бочаровой по ч. 2 ст. 327 УК РФ. Ссылаясь на положения ст. 88 УПК РФ и п. 3 ст. 389¹⁶ УПК РФ, отмечает, что суд апелляционной инстанции, излагая собственную оценку доказательств, должен указать основания, по которым при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для дела, он принял во внимание одни из них и отверг другие, что в данном случае сделано не было. Считает, что суд, положив в основу своего решения сообщенные Бочаровой сведения об обстоятельствах заполнения медицинской карты, не привел аргументов, по которым пришел к выводу об их достоверности при наличии доказательств, изобличающих ее в содеянном. Также, по его мнению, суд апелляционной инстанции не учел имеющиеся в показаниях Бочаровой противоречия. В частности, утверждение осужденной и сделанные ею записи о применении пульсоксиметра для измерения пульса ребенка не согласуются с ее пояснениями, о том, что пульс потерпевшей она уже проверила пальпарно. При этом Бочарова сообщала о том, что объективных показаний для применения этого устройства не имелось. В то же время суд первой инстанции уже дал оценку этим показаниям, расценив их критически. Отмечает, что факт внесения Бочаровой правок в историю развития ребенка объективно подтвержден заключением почерковедческой экспертизы. Обращает внимание, что в суде апелляционной инстанции была осмотрена медицинская карта Р [REDACTED] и установлено, что конец

последней буквы записи «Положение активное» перешел в виде штриха на следующую страницу, где уже имелась запись хирурга, который осмотрел потерпевшую после Бочаровой. Данное обстоятельство было правильно расценено судом первой инстанции как еще одно подтверждение факта внесения записей в «Лист неотложной помощи» уже после того, как его вклеили в карту. Ссылается на показания потерпевшего Р [REDACTED] который присутствовал в кабинете при осмотре своей дочери и утверждал о том, что врач Бочарова пульсоксиметр не применяла, а также на показания свидетеля П [REDACTED] – медицинской сестры, пояснившей о том, что названный прибор начал использоваться Бочаровой на приеме пациентов лишь в июне 2018 года, то есть спустя два месяца после смерти Р [REDACTED]. Отмечает, что показания потерпевшего и свидетеля П [REDACTED] согласуются с информацией из «Оршанской ЦРБ» о том, что по состоянию на 4 апреля 2018 года – день осмотра Р [REDACTED] пульсоксиметр не входил в стандарт оснащения кабинета врача-педиатра и поступил в детскую поликлинику только 31 мая 2018 года. Полагает, что суд апелляционной инстанции необоснованно оставил без внимания показания свидетеля Г [REDACTED] заходившей в кабинет во время приема и утверждавшей, что у Бочаровой при себе имелся лишь фонендоскоп, а также протокол осмотра места происшествия, в котором зафиксирована обстановка в кабинете, свидетельствующая о возможности Р [REDACTED] наблюдать за всеми действиями осужденной. Указывает, что версия стороны защиты о том, что Бочарова не имела возможности внести в историю развития ребенка дописки, опровергается показаниями свидетелей Г [REDACTED] и заместителя главного врача Б [REDACTED], согласно которым медицинская карта хранилась сперва в регистратуре, а затем в кабинете у руководства в условиях, не исключавших доступа третьих лиц. С учетом изложенного, полагает, что на основании совокупности доказательств суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что подделка медицинской карты ребенка сделаны Бочаровой не для отражения реальной картины на момент осмотра, а для ложного описания состояния потерпевшей, как не требующего оказания экстренной медицинской помощи, с целью скрыть ранее совершенное преступление. Также не согласен с решением суда кассационной инстанции, полагает, что судебная коллегия надлежащим образом доводы кассационного представления не отвергла. На основании изложенного просит апелляционное постановление от 8 сентября 2021 года и определение суда кассационной инстанции от 25 января 2022 года отменить, уголовное дело направить на новое апелляционное рассмотрение.

В кассационной жалобе потерпевший Р [REDACTED] считает апелляционное постановление от 8 сентября 2021 года в части оправдания Бочаровой Т.А. по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 327 УК РФ,

незаконными и подлежащими отмене. Настаивает на том, что приговор в отношении Бочаровой Т.А. в полной мере отвечает требованиям ст. 307 УПК РФ. Полагает, что суд первой инстанции на основании тщательного анализа и оценки совокупности собранных доказательств верно установил фактические обстоятельства дела и обоснованно пришел к выводу о виновности Бочаровой Т.А. в содеянном и правильно квалифицировал ее действия по ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 327 УК РФ. Не согласен с выводом суда апелляционной инстанции об отсутствии в деле доказательств, подтверждающих, что Бочарова Т.А. внесла записи «Положение активное» и «SpO₂» в лист неотложной помощи после 13 часов 30 минут 4 апреля 2018 года, и что ей было известно о смерти Р [REDACTED] до того, как ей о том сообщил Б [REDACTED]. Обращает внимание на показания медицинской сестры П [REDACTED], которая не видела, как Бочарова Т.А. применяла пульсоксиметр. Отмечает, что при осмотре оригинала истории развития ребенка установлено, что конец последней буквы записи «Положение активное» перешел на следующую страницу амбулаторной карты, где уже содержалась запись хирурга Т [REDACTED] из чего следует, что на момент исполнения данной записи лист неотложной помощи уже был вклеен в амбулаторную карту. Не согласен с выводами суда апелляционной инстанции о том, что Бочарова Т.А. измеряла уровень сатурации Р [REDACTED] что подтверждается данными медицинской карты последующего пациента. Считает правильным вывод суда первой инстанции о том, что записи Бочаровой Т.А. были дописаны в амбулаторную карту Р [REDACTED] уже после того, как ей стало известно о смерти девочки. Просит апелляционное постановление от 8 сентября 2021 года в части оправдания Бочаровой Т.А. по преступлению, предусмотренному ч. 2 ст. 327 УК РФ, и определение суда кассационной инстанции от 25 января 2022года отменить.

В кассационной жалобе осужденная Бочарова Т.А. считает приговор от 1 июля 2021 года и последующие судебные решения незаконными и необоснованными, подлежащими отмене ввиду существенных нарушений норм уголовного и уголовно-процессуального закона. Не соглашается с выводом суда кассационной инстанции о том, что судебное решение, принятое в отношении Т [REDACTED] не влияет на выводы о ее виновности в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Обращает внимание, что согласно постановлению Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 9 сентября 2020 года смерть Р [REDACTED] причинена по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей врачом-анестезиологом-реаниматологом Т [REDACTED]. Настаивает на том, что данным судебным решением установлен факт того, что Т [REDACTED] являлся лечащим врачом Р [REDACTED], и он являлся ответственным за

ее лечение, а также то, что смерть Р [] наступила от действий (бездействия) врача Т [] а не от ее. Утверждает, что виновность Т [] в смерти Р [] исключает ее виновность в смерти девочки. Полагает, что у суда не имелось оснований доверять показаниям свидетеля Т [] поскольку он заинтересован в исходе дела. Считает, что показания свидетеля Т [] о том, что им была исключена хирургическая патология, противоречат установленным судом обстоятельствам, согласно которым именно Т [] направил Р [] в приемный покой и назначил ей процедуры для исключения хирургической патологии. Ссылаясь на показания экспертов Ш [] М [], свидетелей Ш [] В [], Т [] Б [] а также заключение специалистов в акте № 91, заявляет о том, что именно Т [] был ответственным за лечение и состояние здоровья Р []. Утверждает о том, что отделение приемного покоя не являлось местом ее работы.. Обращает внимание, что в выводах заключения комплексной судебно-медицинской экспертизы № 209 от 29 августа 2019 года отсутствует ответ на вопрос о наличии между ее действиями и наступившими последствиями именно прямой причинно-следственной связи. Отмечает, что в ходе допроса в суде первой инстанции эксперт М [] подтвердила, что вид причинной связи экспертами установлен не был. Утверждение о том, что термин «прямая» связь может быть опущен не соответствует Методическим рекомендациям «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания и ненадлежащего оказания медицинской помощи». Считает заключение комплексной судебно-медицинской экспертизы № 209 от 29 августа 2019 года недопустимым доказательством. Считает не законным выемку медицинских карт Р [] без судебного решения, в связи с чем заключения экспертов № 209 и № 263 являются недопустимыми доказательствами. Настаивает на том, что она не располагала данными о том, что Р [] после ее направления к хирургу продолжала находиться в Оршанской ЦРБ; о том, что у Р [] имелись выраженная общемозговая симптоматика, боли в мышцах, отсутствие мочеиспускания, гемодинамические нарушения, повышенный шоковый индекс Альговера; о том, что у Р [] имелись негативные изменения в биохимическом анализе крови. Указывает, что по тем показаниям, которыми она располагала, у нее не было оснований выявить признаки смертельного осложнения инфекционно-токсического шока и угрожающего жизни состояния. Все допрошенные врачи и эксперты пояснили, что выявить признаки шока очень сложно. Обращает внимание, что она сама и через медицинскую сестру П [] рекомендовала Р [] – отцу девочки, везти ее в детскую больницу с бригадой скорой медицинской помощи. Считает, что лечебные процедуры,

назначенные Т [] могли усугубить состояние Р []
Утверждает о подмене листа в постановлении о привлечении ее в качестве обвиняемой, которое имеется в материалах дела, что подтверждается полученной стороной защиты копией при ознакомлении с делом. Просит передать ее кассационную жалобу для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции с целью отмены приговора от 1 июля 2021 года и последующих судебных решений и прекращении в отношении нее уголовного дела ввиду отсутствия в ее действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационного представления и кассационных жалоб, Судебная коллегия находит решения судов апелляционной и кассационной инстанций подлежащими отмене по следующим основаниям.

По смыслу ч. 4 ст. 7 УПК РФ решение суда должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Оно признается таковым, если суд при его вынесении исходил из материалов дела, рассмотренных в судебном заседании, сделал выводы, основываясь на установленных им фактах, правильно применил уголовный и уголовно-процессуальный закон.

Согласно ст. 389⁹ УПК РФ суд апелляционной инстанции проверяет по апелляционным жалобам, представлениям законность, обоснованность и справедливость приговора.

В соответствии с требованиями ст. 389²⁸ УПК РФ и разъяснениями, данными в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», отменяя или изменяя приговор либо иное судебное решение, суд апелляционной инстанции обязан указать, какие именно нарушения закона послужили основанием для этого. Решение суда об оставлении приговора, определения, постановления без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения также должно быть мотивированным.

При этом мотивы, по которым суд апелляционной инстанции признает приговор суда первой инстанции законным либо незаконным, отвергает либо принимает во внимание те или иные доказательства, должны быть убедительными и исчерпывающими.

Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определениях № 237-О от 8 июля 2004 года, № 42-О от 25 января 2005 года, № 55-О от 22 января 2014 года и других, не

допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений без указания на конкретные и достаточные, с точки зрения принципа разумности, оснований, по которым эти доводы отвергаются.

Вышеуказанные требования закона не выполнены в полной мере судом апелляционной инстанции.

По приговору Бочарова признана виновной в том, что она, будучи участковым врачом-педиатром ГБУ РМЭ «Оршанская ЦРБ», в период времени примерно с 9 часов 50 минут до 12 часов 03 минут 4 апреля 2018 года, осмотрев малолетнюю Р [REDACTED], ненадлежащим образом исполнила свои профессиональные обязанности, не обеспечила своевременную диагностику заболевания и квалифицированное лечение пациентки Р [REDACTED], не оценила клиническую картину состояния, требующего оказания экстренной помощи, не оказала ей такую помощь при внезапном остром состоянии, с явными признаками угрозы жизни пациента в соответствии с действующими клиническими рекомендациями, порядками оказания медицинской помощи и с учетом стандартов медицинской помощи, не приняла меры для экстренной госпитализации Р [REDACTED] в ГБУ РМЭ «Оршанская ЦРБ».

Заведомо зная по результатам осмотра и данным анамнеза о наличии у Р [REDACTED] выраженности общемозговой симптоматики, наличии интоксикационного синдрома, боли в мышцах, бледности кожных покровов, отсутствии диуреза, гемодинамических нарушений, повышении уровня лейкоцитов, изменении показателей биохимического анализа крови, однозначно указывающих на тяжелое состояние Р [REDACTED] то есть признаки полиорганной недостаточности и начавшегося шока, не распознала угрожающее жизни состояние, требующее немедленной госпитализации, не предприняла меры к оказанию экстренной помощи, не госпитализировала Р [REDACTED] в палату интенсивной терапии для проведения противошоковой терапии, а без учета фактического состояния Р [REDACTED] [REDACTED], не позволяющей транспортировку, необоснованно направила ее на госпитализацию в ГБУ Республики Марий Эл «Детская республиканская клиническая больница». В результате ненадлежащего исполнения Бочаровой Т.А. своих профессиональных обязанностей Р [REDACTED] не была своевременно оказана медицинская помощь, что повлекло ухудшение ее состояния с развитием шока тяжелой степени, и привело к смерти Р [REDACTED], которая наступила в 13 часов 30 минут 4 апреля 2018 года в ГБУ Республики Марий Эл «Детская республиканская клиническая больница», куда отец Р [REDACTED] доставил дочь

самостоятельно в 12 часов 50 минут в состоянии клинической смерти, от инфекционно-токсического (септического) шока.

Кроме того, Бочарова Т.А. признана виновной в том, что в неустановленное следствием точное время, но не ранее 13 часов 30 минут 4 апреля 2018 года, она, находясь по месту своей работы в названном учреждении, узнав о наступлении смерти малолетней Р [REDACTED] направленной ею на госпитализацию в ГБУ Республики Марий Эл «Детская республиканская клиническая больница», понимая, что педиатрическая помощь Р [REDACTED] оказана в период времени примерно с 9 часов 50 минут до 12 часов 03 минут 4 апреля 2018 года ненадлежащим образом, то есть с существенными дефектами, которые привели к смерти Р [REDACTED], желая скрыть данный факт, то есть другое преступление, внесла в историю развития ребенка № 63 ГБУ РМЭ «Оршанская ЦРБ» на имя Р [REDACTED] в лист «Неотложная помощь» заведомо недостоверные сведения о физическом состоянии Р [REDACTED] на момент ее осмотра путем собственноручной дописки надписей «Положение активное» и данных пульсоксиметрии «SpO₂=96%», которое фактически Бочаровой не измерялось, с целью скрыть показания для экстренной медицинской помощи Р [REDACTED] и придать видимость правильности своих решений и действий.

Судебная коллегия Верховного Суда Республики Марий Эл, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам осужденной Бочаровой и ее защитника, признала приговор в части осуждения Бочаровой Т.А. по ч. 2 ст. 109 УК РФ законным и обоснованным, а в части осуждения ее по ч. 2 ст. 327 УК РФ отменила приговор на основании ст. 389¹⁶ УПК РФ в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела и оправдала Бочарову ввиду отсутствия в ее действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 327 УК РФ.

Между тем из апелляционного постановления усматривается, что суд не всем доводам осужденной и ее защитника дал надлежащую оценку и не привел мотивы, в силу которых признал эти доводы необоснованными.

Так, не признавая себя виновной в причинении по неосторожности смерти Р [REDACTED] Бочарова Т.А. утверждала, что осмотрев девочку в 9 час. 25 минут 4 апреля 2018 г. и заподозрив у нее аппендицит, она направила ее к хирургу, когда отец девочки в 12 часов повторно зашел к ней в кабинет, она узнала от него, что девочка лежит под капельницей в приемном отделении, она дала указание медсестре выписать направление

Р [REDACTED], для госпитализации в ДКРБ и указать диагноз острый пиелонефрит, аппендицит под вопросом, о смерти Р [REDACTED] она узнала 4 апреля 2018 года около 14 часов, считает, что ее действия не могли привести к ухудшению состояния ребенка и смерти.

В апелляционных жалобах осужденной и ее защитника Смирнова С.Л. содержались в числе других доводов утверждения об отсутствии причинно-следственной связи между действиями Бочаровой Т.А. и наступившими последствиями в виде смерти Р [REDACTED]

Оценка данного обстоятельства в силу того, что ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей должно быть обязательным условием наступившего последствия в виде смерти, то есть таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие, имело существенное значение для правильного разрешения уголовного дела по существу.

Признавая законными и обоснованными выводы суда первой инстанции о виновности Бочаровой Т.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, суд апелляционной инстанции сослался на показания потерпевших Р [REDACTED] Р [REDACTED] на показания работников Оршанской ЦРБ П [REDACTED], Г [REDACTED], К [REDACTED] Ж [REDACTED] М [REDACTED] Б [REDACTED] Т [REDACTED] [REDACTED] которые в своей совокупности подтверждают факты осмотра Бочаровой Т.А. пациентки Р [REDACTED], взятие у нее анализов, проведение процедур в приемном покое, убийтия Р [REDACTED] вместе с отцом из Оршанской ЦРБ, обстоятельства, при которых им стало известно о смерти ребенка, а также на заключение комплексной судебно-медицинской экспертизы № 209 от 29 августа 2019 года о причине смерти Р [REDACTED] на показания экспертов С [REDACTED] М [REDACTED] Ш [REDACTED] П [REDACTED] [REDACTED] проводивших эту экспертизу на показания специалиста М [REDACTED]

При этом в подтверждение наличия между действиями Бочаровой Т.А. и наступившими последствиями прямой причинно-следственной связи суд апелляционной инстанции сослался на выводы, изложенные в заключении комплексной судебно-медицинской экспертизы № 209 от 29 августа 2019 года, согласно которым причиной смерти Р [REDACTED] явилось острое инфекционное заболевание, осложнившееся развитием инфекционно-токсического шока, который послужил непосредственной причиной смерти. Сотрудниками Оршанской ЦРБ признаки шока у Р [REDACTED] не были распознаны, не осуществлена госпитализация в палату или отделение интенсивной терапии, допущена транспортировка

больного в республиканскую больницу без сопровождения медицинского работника. Между действиями (бездействием) медицинских работников Оршанской ЦРБ и наступлением смерти Р [REDACTED], имеется причинно-следственная связь.

Оценивая данное заключение экспертов, суд апелляционной инстанции ограничился указанием в постановлении, что не имеется оснований не доверять ему.

Между тем, по вопросу о том, являлись ли неправильные действия Бочаровой Т.А. решающими в исходе заболевания Р [REDACTED], могла ли своевременно оказанная потерпевшей помощь предотвратить наступление ее смерти, в материалах дела содержатся крайне противоречивые доказательства.

Так, из показаний экспертов С [REDACTED] М [REDACTED] Ш [REDACTED] П [REDACTED] принимавших участие в проведении комплексной экспертизы, следует, что сведения о наличии именно прямой причинной связи между действиями Бочаровой Т.А. и наступлением смерти Р [REDACTED], имеются только в показаниях эксперта С [REDACTED] объяснившей в суде факт отсутствия в тексте заключения ссылки на термин «прямая» связь, методическими рекомендациями, утвержденными Российским центром судебно-медицинской экспертизы (т. 22 л.д. 111).

Кроме того допрошенная в судебном заседании эксперт С [REDACTED] пояснила, что на момент обращения за медицинской помощью у Р [REDACTED] имелись клинические признаки шока; правильные действия врача по оказанию медицинской помощи могли предотвратить летальный исход, то есть мог быть как положительный исход заболевания, так и отрицательный, даже при полном выполнении врачом всех необходимых действий (т. 22 л.д. 115).

О вероятном положительном исходе для Р [REDACTED] также пояснили суду эксперты Ш [REDACTED] и М [REDACTED], указавшие, что своевременно начатые мероприятия возможно оставляли надежду на иной исход заболевания; у ребенка имелся бы шанс выжить (т. 21, л.д.191, т.22 л.д. 90).

В самом заключении экспертов № 209 от 29 августа 2019 года, при ответе на вопрос № 29 о том, когда и вследствие чего у Р [REDACTED] возникло заболевание энцефалит и могло ли быть предотвращено наступление смерти Р [REDACTED] при своевременном выявлении

данного заболевания и надлежащем оказании медицинской помощи в соответствии с указанным диагнозом, экспертами сделан предположительный вывод о том, что при своевременной диагностике, назначении адекватной инфузионной и антибактериальной или противовирусной терапии имелся шанс предотвратить летальный исход.

Кроме того, отвечая на этот вопрос по результатам исследования препаратов трупа эксперты указали, что возбудитель заболевания не установлен, в связи с чем судить о продолжительности инкубационного периода заболевания не представляется возможным, невозможно установить и давность заболевания по морфологическим признакам. (т. 11 л.д. 86об.).

Указанный вывод экспертов не приведен в апелляционном постановлении и этому выводу, а также показаниям экспертов о том, что даже своевременно оказанная помощь не исключала наступление смерти потерпевшей, судом апелляционной инстанции оценка не дана.

Не приведены в апелляционном постановлении и иные доказательства, исследованные в судебном заседании суда первой инстанции.

В частности, свидетель З [] [] – заведующий паталогоанатомическим отделением, врач-паталогоанатом ГБУ РМЭ «Республиканская клиническая больница», проводивший по делу гистологическое исследование препаратов от тела Р [], в ходе предварительного и судебного следствия пояснял, что смерть ребенка наступила от инфекционно-токсического шока, возникшего вследствие энцефалита на фоне острой токсической дистрофии печени; учитывая скорость развития течения энцефалита и острой токсической дистрофии печени диагностировать данные заболевания не представлялось возможным, смерть ребенка предотвратить было невозможно, за тот период времени, пока ребенок находился в Оршанской ЦРБ, ни диагностировать, ни предотвратить смерть Р [] невозможно (т. 4 л.д. 87-88, т. 20 л.д. 99-101)

Об отсутствии положительного исхода для Р [] с учетом установленного у нее состояния свидетельствуют также выводы, приведенные в заключении эксперта от 26 июня 2019 года № 12067, согласно которым смерть Р [] [] наступила от острой генерализированной инфекции, осложненной полиорганной недостаточностью; на основании изучения препаратов, клинических данных и литературных сведений тяжелое состояние могло возникнуть в короткий промежуток времени, исчисляемый минутами и часами, привести к смерти в течении первых суток с момента возникновения;

учитывая молниеносное развитие генерализированной инфекции, согласно экспертному опыту, данных литературных источников, даже при своевременной диагностике инфекции и раннем начале интенсивной антибактериальной и противовирусной терапии благоприятный исход для жизни ребенка сомнителен (т. 10 л.д. 197-205). Эксперт Г [] допрошенный в судебном заседании, приведенные выводы подтвердил в полном объеме и, отвечая на вопросы участников процесса, дополнительно пояснил, что у Р [] было острое течение заболевания (т. 22 л.д. 128- 133).

По вопросу о скорости развития шока давали показания в ходе судебного следствия и эксперты П [] (т. 21 л.д. 234), М [] (т. 21 л.д. 187), специалист М [] (т. 23 л.д. 163) из которых следует, что имеющиеся у Р [] в совокупности клинические признаки свидетельствовали о выраженной интоксикации, первой стадии шока; молниеносный шок индивидуален и может длиться от нескольких минут до нескольких часов; инфекционно-токсический шок у Р [] М.А. развился в течение нескольких часов.

Изложенное свидетельствует о том, что вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований не доверять заключению экспертов № 209 от 29 августа 2019 года является преждевременным, нуждается в дополнительной проверке и оценке.

При наличии противоречивых сведений по вопросу о том, что именно неправильные действия врача Бочаровой Т.А. являлись решающими в исходе заболевания Р [], что в случае своевременно оказанной ей помощи ребенок был бы жив, суд апелляционной инстанции не дал оценку всем отраженным в заключении экспертов от 29 августа 2019 года ответам на поставленные вопросы, а также показаниям этих экспертов в суде, не сопоставил данное заключение с другими экспертными исследованиями, показаниями других экспертов и специалистов, и не привел мотивы, в силу которых им отдано предпочтение заключению экспертов от 29 августа 2019 года.

С учетом изложенного, суду апелляционной инстанции надлежало тщательным образом проверить доводы апелляционных жалоб, в которых поставлены вопросы, в том числе об отсутствии прямой причинной связи между действиями Бочаровой Т.А. и наступившими последствиями, мотивов, по которым суд отверг эти доводы, в апелляционном постановлении не приведено.

Допущенные судом апелляционной инстанции нарушения уголовно-процессуального закона при рассмотрении жалоб осужденной и ее защитника являются существенными и могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения.

Обсуждая доводы кассационного представления о незаконности отмены в апелляционном порядке об отмене приговора в части осуждения Бочаровой Т.А. по ч. 2 ст. 327 УК РФ ввиду отсутствия в ее действиях состава указанного преступления, Судебная коллегия отмечает, что суд апелляционной инстанции фактически проанализировал лишь часть доказательств, исследованных судом первой инстанции, оставив без оценки иные доказательства, положенные районным судом в основу обвинительного приговора.

Так, суд не дал оценки положены судом первой инстанции в основу приговора показаниям Т [REDACTED], К [REDACTED], Б [REDACTED] Т [REDACTED] экспертов С [REDACTED], М [REDACTED], П [REDACTED], специалиста М [REDACTED], согласно которым наличие записей «Положение активное» и данных пульсоксиметрии «SpO₂=96%», наряду с другими сведениями в листе «Неотложной помощи», составляют картину средней степени тяжести, в то время как состояние Р [REDACTED] было тяжелое, требующее госпитализации в стационар либо в палату интенсивной терапии.

С учетом этих данных доводы кассационного представления подлежат дополнительной проверке и оценке.

Шестой кассационный суд общей юрисдикции, проверяя законность постановленных в отношении Бочаровой Т.А. приговора и апелляционного постановления, допущенные судом апелляционной инстанции нарушения закона оставил без соответствующего реагирования.

Принимая во внимание допущенные судом апелляционной инстанции существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые могли повлиять на исход дела апелляционное постановление Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 сентября 2021 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года подлежат отмене, а уголовное дело в отношении Бочаровой Т.А. - передаче на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд апелляционной инстанции в ином составе суда.

При новом рассмотрении дела в апелляционном порядке суду следует учесть изложенное, проверить все доводы апелляционных жалоб и апелляционного представления с учетом позиции сторон в суде кассационной инстанции и принять соответствующее закону решение.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 401¹⁴, ч. 1 ст. 401¹⁵, 401¹⁶ УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

апелляционное постановление Верховного Суда Республики Марий Эл от 8 сентября 2021 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2022 года в отношении Бочаровой Татьяны Анатольевны отменить, уголовное дело направить на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда.

Председательствующий

Судьи: